

Виталий Кальпиди

Кальпиди Виталий Олегович родился 18.05.1957 в Челябинске. Учился в физико-математической школе, но выпускной класс закончил в Челябинской школе искусств (класс литературы). Поступил в Пермский государственный университет на филологический факультет, откуда был исключен после 1 семестра как «идеологически незрелый». По возвращении в Челябинск был задержан сотрудниками КГБ. После «профилактических мероприятий» был направлен на работу в «трудовой коллектив для исправления». В 18 лет был помещен в психиатрическую больницу, где получил диагноз, запрещающий преподавательскую и прочую гуманитарную деятельность, что практически означало запрет на профессию. Жил в Перми, Свердловске, с 1990 г. снова в Челябинске. Работал грузчиком, стропальщиком, сторожем, почтальоном, кочегаром и т.д. Первые публикации – в Югославии, Финляндии, Болгарии и только в 1988 г. – на родине. Публиковался в журналах «Урал», «Юность», «Знамя», «Литературная учеба», «Родник», «Лабиринт-Эксцентрис», «Золотой век», «Воздух» и др. Автор программы «Современная уральская литература – новая реальность» (шорт-лист премии «Малый Букер»), автор, главный редактор, составитель, дизайнер, спонсор и продюсер многотомного проекта «Антология современной уральской поэзии», составитель, издатель и оформитель более 40 книг современной уральской литературы. Создатель и редактор журнала «Несовременные записки» (совместно с В. Абашевым), ответственный секретарь журнала «Уральская новь». Лауреат премии им. А. Григорьева, премии им. Б. Пастернака, Большой премии «Москва-Транзит», «Slovo» и др. Автор книг «Пласты» (1990, 7000 экз.), «Аутсайдеры-2» (1990, 5000 экз.), «Пятая книга и Вирши для А.М.» (1993, 1000 экз.), «Мерцание» (1995, 2000 экз.), «Ресницы» (1997, 1000 экз.), «Запах стыда» (1999, 500 экз.), «Хакер» (2001, 500 экз.), «Контрафакт» (2007, 300 экз.). Стихи

переведены на 15 языков. Участник АСУП-1,2,3. Живёт в Челябинске.

Филологическая маркировка стихов В.К.

Традиции, направления, течения: модернизм, символизм, сюрреализм, экспрессионизм, барочность, метареализм, метафизическая поэзия, концептуализм.

Основные имена влияния, переключки: Б. Пастернак, О. Мандельштам, В. Ходасевич, Н. Заболоцкий, А. Парщиков, И. Жданов.

Основные формальные приемы, используемые автором: персонифицированность лирического «я», сюжетность, комплексная метафора, мыслеобразность, смысловая вариативность, афористичность, интертекстуальность, ирония, метатекстуальность, установка на эксперимент, визионерское начало.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: пустота, природное и первородное, оппозиция жизнь/смерть, бессмертье, прерывистые пространство и время, вещь, предмет, темнота, ночь, сон, глаз, взгляд, ресницы, женщина, любовь, стихия воды, кровь, трава, насекомые, животные, Бог, поэзия, поэт.

Творческая стратегия: рационализация бессознательного, мифологизация пространства, жизненное настроение.

Динамика: стихотворения 2-го и 3-го томов более семантически компактны, чем стихотворения 1-го, происходит углубление подтекста при упрощении метафорического ряда. Кроме того, стихотворения 2-го и 3-го томов озаглавлены определенным уходом от бытового контекста и созданием особой картины мира, ядром которой становится вывернутая наизнанку эклога, антиэклога. В 3-м томе также ошутимое место в тематическом ряду занимает история. В целом, установка на эксперимент позволяет говорить о поэзии В. Кальпиди как о явлении эволюционирующем, находящемся в постоянном развитии, как правило, непредсказуемом, что придает ей особое значение и особый масштаб.

АВТОБИОГРАФИЯ

Дед мой по отцу – Сократ Николаевич Кальпиди (1910–1978) был крымским греком. Бабушка, Зоя Ивановна Ильева (1911–1994), по национальности была неизвестно кто (м.б., фрагментами даже крымской татаркой), поскольку была взята не только в чужую семью, но и одарена чужой фамилией, когда настоящих ее родителей постигла какая-то там «участь», о которой я не знаю ничего, кроме того, что она их каким-то

образом «постигла». Дед с бабушкой, нажив в 1933 году сына, моего отца – Олега Сократовича Кальпиди (1933–1994), развелись еще до войны. То ли Сократ Николаевич не был гражданином нашей страны, то ли у него было двойное гражданство, то ли на него имело виды НКВД, но в 1941 году из богом забытого Прокопьевска он волшебным образом уехал (или ему предложили) сначала в Грецию, а потом, покочевав по Африке и еще незнакомо где, рванул в Австралию, где пустил корни да так основательно, что они его в положенное время там и утанули навсегда в землю. Зоя Ивановна же во время фашистской оккупации проживала с моим будущим отцом в своем родном городе Симферополе. Сначала убирала в комендатуре, а потом у нее появился покровитель – немецкий офицер. Когда в город вошли наши передовые части, она по-прежнему ходила теперь уже в советскую комендатуру и по-прежнему мыла полы. Комендант (не знаю его фамилии, а следовало знать, и не просто знать, а наколоть на груди) как-то вечером подошёл к ней и, глядя не на неё, а серьёзно в сторону, тихо, но отчетливо сказал: «Через два дня мы уходим, придут другие; бери сына и беги; куда угодно, лучше прямо сейчас». И бабушка побежала: через Украину, а потом через полстраны – на поездах, на машинах, пешком. Ее дважды грабили, а однажды чуть не убили, пытаясь сбросить под поезд. Приходилось вымалывать себе и ребенку жизнь всем, чем только было можно. И докатились они до города Ирбита

в Свердловской области, где бабушка устроилась младшим бухгалтером (или счетоводом) в какую-то леспромхозовскую контору. Как они потом с отцом попали в Челябинск, я не знаю. Потому что до 30 своих лет видел отца только однажды, а бабушку на пару раз больше, не догадываясь при этом, что она – моя бабушка, но подозревая что-то неладное в этой странной киоскерше, подарившей мне ни за что ни про что набор марок. Отец мой после развода с моей матерью вскорости снова женился. И, полагаю, удачно. В этом счастливом браке родились две красавицы дочери Наталья и Галина. Встретились мы с отцом впервые в день моего выпускного экзамена по физике: отец явился в школу с подарком – наручными часами. В результате я чуть было не завалил физику. Ближе общаться мы стали незадолго до его кончины. Я уже выпустил пару своих книг. Отец этим гордился. На меня он произвел впечатление несколько инфантильного, но мягкого и ранимого человека. Говорит нам, в общем-то, было не о чем. И встречались мы в доме его матери, моей бабушки (она к этому времени завершила долготлетнюю рокировку Челябинск – Симферополь – Челябинск). Я сам пошел с ними на контакт, хотя, признаюсь, это было умозрительное с моей стороны решение. Я несколько не винил их за то, что они вообще не интересовались моей судьбой. Ведь их судьбой я тоже не интересовался. Я даже не заметил, что у отца, как потом выяснилось, то и дело случались приступы депрессии, связанные с

Прапрадед и прапрабабушка со стороны матери

Прадед, Василий Пономарев-Азаров

Бабушка Ирина с братом

потрясениями проклятых 90-х. ...Я был на конференции в Перми, когда мне сообщили, что он выбросился из окна. Первая реакция была – мчаться в Челябинск. После двух выкуренных сигарет я решил, что куда мчаться не надо. Потом бабушка, Зоя Ивановна, всё плакала, причитая, что я должен был приехать на похороны. Я даже не оправдывался. Просто смотрел на ее мокрое от слёз лицо. Просто смотрел. Мы съездили с ней на могилу, а потом через пару месяцев она умерла. На ее похороны я тоже не пошёл.

Мой дед по матери – Таранов Владимир Васильевич (1910–1973) был вроде как украинцем. Мать говорила, что настоящая его фамилия Таран, и сам он – из Киева. Бабушка же – Ирина Васильевна (1913–1992) в девичестве носила фамилию Пономарева. И жила на Урале, в Москве, Ростове и где-то еще. Ее отец (мой прадед) был дворянин (так говорят). Что не помешало ему выбрать судьбу провинциального актера. Выступал он под сценическим псевдонимом – Азаров. Умер рано. Мамина семья (в отличие от отцовской) была многодетна: детей, кроме мамы, было еще семеро. Бабушку Ирину Васильевну я любил. А деда Владимира Васильевича – нет. Один раз ночевал в его комнате. Проснулся ночью и увидел деда, сидящего в белом белье на кровати. Облитый светом луны (не разрешал вешать занавески на окна), он держал в руках стакан водки и молчал. Долго. Потом прошептал: «Гребаный в рот...», и залпом выпил этот стакан. На ночь у него часто была

припасена чекушка. О чем он думал по ночам? О войне, которую прошел от звонка до звонка, вернувшись с неё с полной грудью наград? О смысле своей жизни? О детях, которых, как мне казалось, не замечал? Когда мне в последнем школьном сентябре мать сказала, что он умер, у меня откапали ноги, и я рухнул прямо возле входной двери. Мама моя, Людмила Владимировна Постникова, родилась в 1933 г. Из детства она хорошо помнит только то, что всегда была голодна. Ее даже отдавали на время в детский дом (иначе было не прокормиться такой ораве). В юности хотела стать артисткой (не актрисой), но денег, чтобы поехать учиться, не было. Поэтому закончила в Челябине педагогическое училище и до сих пор работает учителем начальных коррекционных классов. С моим отцом они прожили около года. Потом она вышла второй раз замуж за Постникова Виктора Георгиевича. Именно этот человек превратил мое детство в ад. Он уже давно умер. И я на него совсем не злюсь. Даже жалею. Было в нем заложено очень много хорошего, но алкоголь сделал свое мерзкое дело. Теперь его судьбу пытается повторить его сын, мой брат. Такие дела.

В школе я учился плохо лет до 12, пока мне не пообещали купить собаку. Условием покупки были отличные оценки. Собаку мне купили, но потом ее у меня отняли. Я ушел на неделю с классом в поход. Мой пес (немецкая овчарка) смотрел на меня из открытого окна четвертого этажа, поскуливая. Когда я вернулся, пса уже продали в деревню. Я

Отец, Олег Сократович; дед, Сократ Николаевич, и бабушка, Зоя Ивановна, 1940 г.

Дед, Таранов Владимир Васильевич

рыдал неделю: как только все уходило из дома, я падал на диван и выл. Надо мной сжалились и через некоторое время позволили взять маленькую «таксу» (помесь дворняги). Но потом я уехал на две недели в пионерский лагерь, а когда сбежал оттуда, почуяв неладное, щенка не было. Отчим и мать сообщили, что он убежал. Пацаны во дворе просветили, что отчим выгнал его, и щенок еще двое суток ночевал в дворовой песочнице. Потом пропал. Я искал его неделю по всему микрорайону. Как-то вечером я положил под подушку молоток. Смелости, чтобы ударить им уснувшего отчима, мне не хватило. В ту ночь я первый раз изменился. Продолжая по инерции хорошо учиться, я перестал выходить к пацанам во двор, учителей презирал, матери не доверял, отчима не считал за человека. Собакам и кошкам в глаза смотреть уже не мог (сразу начинал плакать) и за это их ненавидел. Поглощал тоннами книги. Одновременно читал Данте, «Остров сокровищ» и Брюсова, хотя и учился в физико-математической школе. Решил стать писателем. Таким, как Томас Манн. Почему? Не знаю. Художественные книги как предметы, вкусно пахнущие типографией, – обожаю. Особенно собрания сочинений. Дома книг практически не было. Я стал их собирать, иногда подворовывая в библиотеках. Прозу читал взахлеб. А в стихах нравились непонятные слова, которые я выписывал, и каждый вечер ходил в очень далекую библиотеку узнавать про них в словаре Ожегова. Я внезапно полюбил учителя

по английскому. Истово стал учить язык. Накануне годового диктанта отчим устроил очередной многочасовой мордобой с матом, битой посудой, с приездом милиции... Длилось это все до утра. По дороге в школу я на ходу учил новую лексику. Но написание пяти слов запомнить не успел. Написал их на ладони. Учительница заметила, и поставила мне двойку. Несправедливость ситуации меня подкосила. Сил хватило только на то, чтобы не заплакать. Больше никогда в жизни на уроки английского языка я не ходил. Ни в школе, ни в университете. Никогда. После девятого класса, забрав документы, сам перевелся в литературную школу. Там встретил настоящую учительницу литературы. И великолепного учителя истории. Занимался, как сумасшедший. Потом взял и уехал поступать в Пермский университет. Проучился на филфаке пару месяцев, после чего меня сначала поперли из общаги, а после совсем, с формулировкой в характеристике: «Идеологически незрел». Вернулся в Челябинск. Вызвали в военкомат и прямо оттуда увезли на допрос в КГБ. Допросы шли две недели. Мне было любопытно. Пару раз меняли следователя. После отдачи на перевоспитание в трудовой коллектив, назначив плотником. Из коллектива я вскорости слинял и попробовал еще раз поступить в вуз, уже в Челябине. На экзамене меня откровенно валили. Я это знал, и они знали, что я это знаю. За сочинение нагло поставили четверку. Вызвали к ректору, и тот мне популярно объяснил, почему

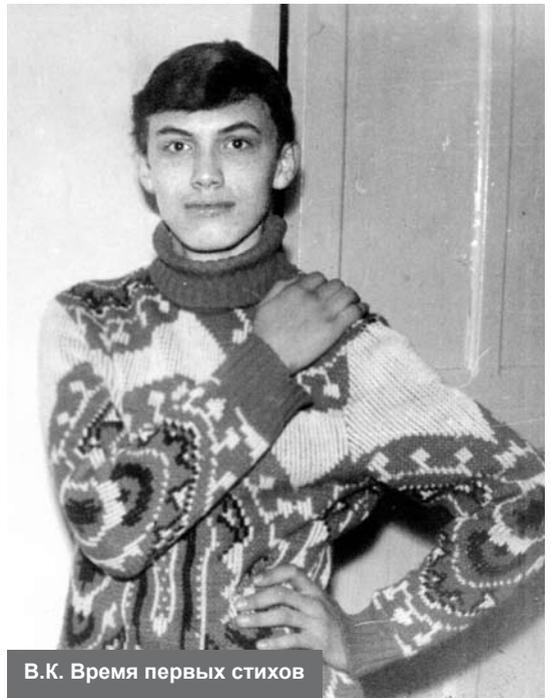
Отец

я никогда не буду учиться в Челябинском педагогическом институте. Прямо из вестибюля вуза я позвонил в КГБ своему следователю и нагло сказал, что его разговоры о справедливости, которые он со мной вел, – полная туфта. Я вот сейчас в двадцати минутах ходьбы от него хлебаю эту «справедливость» полной ложкой. Он попросил перезвонить минут через двадцать. Я перезвонил. Майор на том конце провода сказал: «Иди и спокойно сдавай экзамены». И я спокойно пошел забирать документы, которые мне не отдавали. Послали к тому же проректору. А там: «Вы меня не правильно поняли» – «Да правильно я Вас понял, отдавайте документы» – «Не могу, нам нужны умные студенты...» – «Я тебе сейчас, сука, башку этой чернильницей проломлю. Давай, пахег, документы». Документы вернули. Больше в вузы я никогда не поступал. Зато тут же создал общество «Новая этика», неясная идеология которого жидилась на книге Альберта Швейцера «Культура и этика». Мы мечтали устроить «поход» в школы, закончив профильные институты, и уже там воспитывать детей такими, какими считали они и должны быть. Тем временем подгробал ко мне «воинский долг». Решил я попасть в серьезные войска с прицелом научиться всему тому, что может пригодиться (понятно, для чего). Но прямо с медкомиссии меня препроводили в психушку (чекисты не дремали). Там я пролежал несколько месяцев. Вначале покололи чем-то мерзким. Но я устроил скандал главврачу, пригрозил неадекватными мерами, и от меня отстали. Познакомился я там с такими перцами – не приведи, господи. Был там один кент, которого выгнали из театрального училища за аморалку и отправили в армию, откуда он комиссовался простым способом: месяц после отбоя читал вслух есенинского «Черного человека». И теперь в психушке дожидался оформления документов. Он писал офигенные стихи: «Это конец, а мозги сворачиваются в спираль, и уши мои, как доски, уходят концами вдаль...» В 1975 это было по-идиотски роскошно. Короче, после долгого лежания/сидения/гуляния вызвал меня главврач и повторил чужую фразу: «Не вам противопоказана армия, а вы противопоказаны ей». Дали мне статью 7Б. И выпнули. Общество «Новая этика», пока я был в психушке, рассыпалось, потому что самый близкий человек оклеветал меня. И сделал это так неожиданно и дерзко, что от переживаний я изменился второй раз: ходил полночи по осеннему Челябинску, простудился, заболел и через месяц выздоровел уже совсем другим человеком: циничным, жестким, даже подлым. Очень удивился, ощутив всё это

С мамой, Постниковой
Людмилой Владимировной

внутри себя. А как удивился этому «самый близкий человек», когда я продемонстрировал ему новые свои возможности, лучше не описывать. Я уехал в Пермь, женился на истеричной девице, которая родила мне замечательную дочку. Мы прожили несколько лет, а потом моя жена разбила мне сердце. Я, конечно, очень плохо ее любил. За это она хорошо меня возненавидела. И по праву. Но сердце всё равно было разбито. И склеил я его только лет через двенадцать. Остальное – не существенно.

В.К. Время первых стихов